

Предисловие

В данном сборнике представлены шесть рассказов известного японского писателя начала XX в. Рюносукэ Акутагава (1892-1927), адаптированных для начально-среднего уровня владения японским языком.

Рассказы в определенной степени упрощены, но приводятся максимально близко к оригиналу, чтобы читатель мог почувствовать стиль писателя и атмосферу рассказов. Орфография и написание иероглифов приведены в соответствии с современной нормой, грамматические конструкции и лексика адаптированы для начального-среднего уровня.

Перевод не является подстрочником, но отражает структуру, грамматические конструкции и значение слов оригинального текста настолько близко, насколько это не нарушает правила русского языка.

Названия рассказов даются в соответствии с ранее опубликованными переводами данных рассказов на русский язык.

Текст разбит на абзацы не полностью в соответствии с оригинальным текстом, а на более короткие части в целях более простого восприятия.

Названия животных и растений даются в записи катаканой, для их более легкого визуального выделения в тексте. Такой способ записи часто используется и в Японии, т.к.

многие иероглифы, обозначающие животных и растения, могут оказаться непонятными читателю.

Цвета играют важную роль в восприятии мира, поэтому в рассказах сохранены оригинальные названия разных цветов, хотя они могут читателю и показаться непривычными. Японцы очень внимательно относятся к оттенкам цвета и звука, что передается и в японском языке.

В русском языке приём «смещения» времён и переключения между прошедшим и настоящим временами не является общепринятым, однако в японском он часто применяется, чтобы подчеркнуть степень вовлечённости читателя в действие, подчеркнуть момент в повествовании и т.д. При адаптации рассказов сохранены все оригинальные формы времен, но в переводе автор сборника, придерживаясь стилистики русского языка, далеко не везде сохранил изначальные формы.

В словарях полупредикативные прилагательные обычно приводятся в виде основы (напр., *きれい*, *静か*, *立派*). В словаре в конце сборника они приведены в определительной форме (*きれいな*, *静かな*, *立派な*), чтобы обозначить к какой части речи данное слово принадлежит.

Внутри рассказов используются два следующих обозначения:

- (букв.) — означает, что в скобках указывается буквальный перевод данного слова или выражения;
- <пропуск> — слово в угловых скобках отсутствует в оригинальном (японском) тексте, однако приводится в переводе для упрощения восприятия.

羅生門 らしょうもん

ВОРОТА РАСЁМОН

ある日の夕方(ゆうがた)のことである。一人の下人(げにん)が、羅生門の下で雨がやむことを待っていた。

Это произошло однажды вечером. Какой-то слуга ждал под воротами Расёмон пока закончится дождь.

広い門の下には、この男のほかにだれもいない。ただ、あちこち赤色のはげた、大きな円(まる)い柱(はしら)には、キリギリスが一匹とまっている。羅生門が、朱雀大路(すざくおおじ)にあるので、この男の外にも、雨がやむことを待っているもう二・三人があるはずである。でも、この男のほかにだれもいない。

Под широкими воротами кроме него никого нет. Только один кузнечик сидит на большом круглом столбе, на котором местами облупилась красная краска. Поскольку ворота Расёмон находятся на проспекте Судзаку, можно было бы ожидать, что помимо этого мужчины еще несколько людей будут там пережидать дождь. Но кроме него никого нет.

なぜかというと、この二・三年、京都には地震(じしん)とかつむじ風とか火事とかききんという災

(わざわ)いが続(つつ)いて起(お)こった。それで京都はととてもさびれている。古い年代記(ねんだいき)によると、仏像(ぶつぞう)や寺(てら)の道具(どうぐ)をくだいて、その金銀のはくがついた木を、道のそばに重(かさ)ねて、たきぎとして売っていたという事である。それで、羅生門の修理(しゅうり)は皆すててかえりみる者がなかった。

Это потому, что за последних два-три года на Киото одно за другим обрушивались бедствия — землетрясение, ураган, пожары, голод. Поэтому Киото совсем запустел. В древних летописях пишут, что ломали статуи будд и храмовую утварь, сваливали рядом с дорогой покрытое позолотой дерево и продавали его на дрова. Поэтому все забросили ремонт и поддержание ворот Расёмон, и не было никого, кто бы этим озаботился.

するとその荒(あ)れ果(は)てたことをよい事にして、キツネとタヌキが住(す)む。盗人(ぬすびと)が住む。とうとう、引き取り手のない死人を、この門(もん)へ持って来て、すてるという習慣(しゅうかん)もできた。そこで、日光が見えなくなると、だれでもこわがっていて、この門に近づかないことになってしまったのである。

Тогда этим воспользовались лисы и тануки и там поселились (букв. живут). Воры поселились. В конце концов возник даже обычай приносить к этим воротам и оставлять здесь невостребованные трупы. Поэтому получилось так, что, когда мерк свет дня, все боялись и близко не подходили к воротам.

その代わりカラスがどこからか、たくさん集まってきた。昼間にはそのカラスが何羽(なんば)で輪(りん)をえがいて、なきながら、高いやねをとびまわっている。門の上の空が、ゆうやけで赤くなる時には、それがごまをまいたようにはっきり見えた。カラスは、もちろん、門の上にある死人の肉(にく)をついばみに来るのである。

Зато в большом числе откуда-то собирались вороны. Днем несчетное множество воронов описывало круги и каркая кружило над высокой крышей. Когда алело закатное небо над воротами, вороны четко выделялись на нем, подобно рассыпанному зернам кунжута. Вороны, конечно же, прилетали клевать мясо трупов на верхнем ярусе ворот (букв. на воротах).

でも今日は、もうおそいから、一羽(いちわ)も見えない。ただ、あちこち、くずれた石段(いしだん)、そしてそのわれ目に長い草(くさ)の生(は)えた段の上に、カラスのくそが白くこびりついてるのが見える。下人は七段のある石段の一番(いちばん)上の段にすわって、右のほっぺたにできた大きなきびを気にしながら、ぼんやり、雨の降るのをながめているのである。

Но, сегодня, из-за того, что поздно, не видно ни одной птицы. Только местами виднеется белеющий прилипший вороньи помёт на полуобрушившейся каменной лестнице и на ступенях, в трещинах которых проросла длинная трава. Слуга сидит на верхней, седьмой, ступеньке лестницы и, то и дело потрагивая (букв.

тревожимый, обращающий внимание на) выскочивший на правой щеке большой прыщ, задумчиво наблюдает, как идет дождь.

作者(さくしゃ)はさっき、「下人が雨がやむことを待っていた」と書いた。しかし、下人は、雨がやんでもどうしようかわからない。ふだんなら、もちろん、主人(しゅじん)の家へ帰る。ところがその主人からは、四・五日前にひまを出された。前にも書いたように、その時、京都の町はとてもさびれていた。今この下人が、長年(ながねん)、使われていた主人から、ひまを出されたのも、このさびれたことの小さな余波(よは)にほかならない。だから「下人が雨がやむことを待っていた」と言うより、「雨に降りこめられた下人が、行き所がなく、何をしたいかわからないで困(こま)っている」と言う方が、ふさわしい。

Автор написал выше: «Слуга ждал, когда дождь закончится». Однако, даже если дождь и закончится, слуга не понимает, что делать. Если бы все было как обычно, он бы, конечно же, вернулся к хозяину. Однако, этот хозяин его рассчитал четыре-пять дней тому назад. Как уже говорилось, в это время Киото находилось в страшном упадке. То, что этого слугу после многолетней службы хозяин уволил, было ничем иным, как слабым отголоском этого упадка. Поэтому, будет более подходящим сказать не «Слуга ждал, когда дождь закончится», а «Загнанному дождем в укрытие слуге, некуда было идти, и он не знал, что ему делать».

その上、今日の天気もとてもこの平安時代(へいあんじだい)の下人のSentimentalismeにえいきょうした。申(さる)の刻(こく)下(さが)りから降っていた雨は、やめる様子(ようす)がない。それで、下人は、あしたの生活をどうにかしようとして — いわばどうにもならない事を、どうにかしようとして、はっきりした目的(もくてき)のない考えへたどりながら、さっきから朱雀大路(すざくおおじ)に降る雨の音を、聞くこともなく聞いていた。

К тому же, на повышенную чувствительность слуги эпохи Хэйан сильно влияла и сегодняшняя погода. Не было и признака, что дождь, хлынувший в конце часа Обезьяны, может прекратиться. Поэтому слуга, перебирая бессвязные мысли как бы прожить как-нибудь завтрашний день, а именно найти способ как-нибудь осуществить то, что было неосуществимо, слушал не слыша шум дождя, падающего уже давно на проспект Судзаку.

雨は羅生門をつつんで、遠くから、ざあという音をして来る。夕(ゆう)やみはしだいに空を低(ひく)くして、見上げると、門のやねが、重くて暗い雲(くも)を支(ささ)えている。

Дождь окутывает ворота, и надвигается с громким шумом. Мрак ночи постепенно делает небо более низким, и, если посмотреть вверх, крыша ворот подпирает тяжелые темные тучи.

どうにもならない事を、どうにかするためには、手段(しゅだん)をえらぶ余裕(よゆう)はない。えらべれば、へいの下か、道のそばの土の上で、がしをするばかりである。そして、この門の上へ持って来て、犬のようにすてられてしまうばかりである。えらばないとすれば——下人の考えは、何度も同じ道をたどって、やっとこの点(てん)に出くわした。

Не приходится разбираться в средствах, чтобы как-нибудь уладить, то, с чем не понятно, как справиться (букв. нет возможности/свободы выбирать средства для осуществления, того, над чем, нет контроля/с чем непонятно что делать/что невозможно). Если разбираться, то остается только умереть голодной смертью под забором, или на земле у дороги. И тогда его принесут на верхний ярус этих ворот и просто бросят как собаку. Если, предположим, не разбираться, мысли слуги, множество раз преодолевшие этот путь, снова в итоге уперлись в одну точку.

しかしこの「すれば」は、けっきょく「すれば」であった。下人は、手段をえらばないという事をみとめても、とうぜん、その後に来るべき「盗人になるよりほかない」という事をみとめる勇氣(ゆうき)が出ない。

Но это «если», в конце концов оставалось «если». У слуги, хоть он и признает, что в средствах не приходится разбираться, нет храбрости признать то, что естественно должно следовать за этим: «нет иного способа, кроме как стать вором».

下人は、大きなくしゃみをして、それからつかれそうに立ち上がった。夕方で冷(つめ)たくなる京都は、もうこたつがほしいほどの寒(さむ)さである。風は門の柱と柱との間を夜のやみといっしょにえんりよなく、ふきぬける。柱にとまっていたキリギリスも、もうどこかへ行ってしまった。

Слуга громко чихнул и усталю встал. В столице, выстуженной вечером уже такой холод, что хочется печки. Ветер вместе с ночной тьмой без стеснения проникает между столбами ворот. Кузнечик, сидевший на столбе, уже куда-то делся.

下人は、首(くび)をちぢめながら、門のまわりを見まわした。雨が降っても風がふいても心配(しんぱい)にならなくて、人目にかかるおそれのない、楽(らく)にねることができる所があれば、ここで夜を過ごす。すると、さいわいなことに、門の上の楼(ろう)へのぼる、広くて丹(に)を塗(ぬ)った階段(かいだん)が目についた。上に人がいても、死人ばかりである。下人はそこで、こしにさげたひじりづかの太刀(たち)がさやばしらないように気をつけながら、わらぞうりをはいた足を、その階段の一番下の段へふみかけた。

Слуга, втянув голову в плечи, оглядел ворота. Он бы провёл ночь здесь, если бы было место, где бы он смог спокойно переспать один вечер, не побеспокоенный дождем и ветром и не опасаясь быть замеченным. И

тут, к счастью, ему на глаза попала покрытая лаком широкая лестница, ведущая на башню над воротами. Если наверху и есть люди, то только покойники. Тогда слуга, следя, чтобы из ножен не выскользнул меч, прикрепленный к поясу, ступил ногой, обутой в соломенное дзори, на нижнюю ступень лестницы.

それから、何分かの後である。羅生門の楼へ出る、広い階段の中段(なかだん)に、一人の男が、ネコのように身(み)をちぢめて、息(いき)を殺しながら、上の様子(ようす)をながめていた。楼の上から光が、かすかに、その男の右のほっぺたをぬらしていた。みじかいかみの中に、赤くうみを持ったにきびのあるほっぺたである。

И вот, прошло несколько минут. На середине широкой лестницы, ведущей на башню ворот Расёмон, мужчина, съёжившись как кошка, и затаив дыхание, смотрел, что происходит наверху. Свет из башни слабо омывал его правую щеку. Ту самую щеку, на которой среди короткой щетины находился красный гнойный прыщ.

下人は、始めから、この上にいる者は、死人ばかりだと思った。階段を二・三段上がってみると、上ではだれか火をともして、しかもその火を動かしていることを見た。これは、そのにごった、黄色い光がクモのすをかけた天井(てんじょう)に、ゆれながら映(うつ)ったので、すぐに知れたのであ

る。この雨の夜に、この羅生門の上で、火をともしているのは、ふつうの者ではない。

Слуга, поначалу, думал, что наверху только по-койники. Когда он поднялся на две-три ступени, то увидел, что наверху кто-то зажег свет, и к тому же этот свет движется. Это сразу стало ясным, так как мутный, жёлтый свет колеблясь отражался на затянутом паутиной потолке. Тот, кто зажег свет на воротах Расёмон в эту дождливую ночь — не простой человек.

下人は、ヤモリのように足音(あしおと)をぬすんで、やっと急な階段を、一番上の段まではうようにしてのぼって来た。そして体をできるだけ、たいらにしながら、頭をできるだけ、前へ出して、おそるおそる、楼の内(うち)を見た。

Слуга, заглушив свои шаги как ящерица, в конце концов ползком взобрался на верхнюю ступеньку. И распластавшись, насколько это возможно, вытянув насколько возможно шею (букв. насколько возможно высунув вперед голову), боязливо заглянул внутрь башни.

楼の内には、うわさに聞いたとおり、いくつかの死体が、すててあるが、火の光のおよぶ所が、思ったよりせまいので、数はいくつかわからない。ただ、知れるのは、その中に、はだかの死体と、着物を着た死体があるという事である。

В башне, как он и знал из слухов (букв. слышал по слухам), валяются несколько трупов, но так как место, куда проникает свет, меньше, чем он думал, не понятно сколько их. Единственное что можно узнать, это то, что среди них есть трупы голые и трупы одетые.

もちろん、中には女も男もまじっているらしい。そして、その死体は皆、前に生きていた人だったということをうたがわれるほど、土(つち)をこねて作った人形のように、口をあいたり手をのぼしたりして、ゆかの上のところがっていた。しかも、かたやむねなどの高くなっている部分に、ぼんやりした火の光をうけて、低くなっている部分のかげをもっと暗くしながら、えいきゅうにあしやと同じようにだまっていた。

Конечно же, похоже, что среди них вперемешку <лежали> женщины и мужчины. Все эти трупы валялись на полу, раскрыв рты и раскинув руки, подобно куклам сделанным из глины, настолько, что вызывало сомнение, были ли они <прежде> живыми людьми. К тому же, они молчали как на веки немые, освещаемые тусклым светом <падающим> на выступающие части <тела>, такие как плечи и грудь, и делающим еще более тёмным тени во впадинах <низких частях>.

下人は、その死体のふらんした悪い匂(にお)いに思わず、はなをおおった。しかし、その手は、次(つぎ)のしゅんかんには、はなをおおうことを忘(わす)れていた。ある強(つよ)いかんじょうが、ほとんどこの男のきゅうかくをうばってしまった。

Слуга невольно прикрыл нос от смрада разложения трупов. Но рука в следующий момент забыла о том, чтобы прикрыть нос. Сильное чувство совсем лишило его обоняния.

下人の目は、その時、はじめてその死体の中にすわっている人を見た。ひわだ色の着物を着た、せのひくい、やせた、白いかみの、サルのような年(とし)をとった女である。その女は、右の手に火をともした松(まつ)の木切(きぎ)れを持って、一つの死体の顔(かお)をじっとながめていた。かみの毛(け)の長い所を見ると、たぶん女の死体だろう。

Взгляд слуги впервые упал на человека, сидящего среди трупов. Это была пожилая женщина, похожая на обезьяну, в кимоно тёмно-красно-коричневого цвета, низкая, худая, с седыми волосами. Эта женщина держала в правой руке зажженную сосновую лучину, и пристально вглядывалась в лицо одного из трупов. Судя по длинным волосам, это, скорее всего, был труп женщины.

下人は、六分のきょうふと四分のこうきしんに動かされて、しばらく息(いき)をすることも忘れていた。古い年代記の書いた人のひょうげんをかりれば「頭身(とうしん)の毛(け)も太(ふと)る」ようにかんじた。すると、うばは松の木切れをゆかのいたの間にさして、それから、今までながめていた死体の頭(あたま)に両手をかけて、ちょうど、サルの親(おや)がサルの子のしらみをとるように、その長いかみの毛を一本ずつぬきはじめた。かみは手にしたがってぬける。